Г98 2/115

П

73998.7115

ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

В. В. ПОРТУГАЛОВЪ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПОСЛѢДНЯГО РОМАНОВА.

Издательство „Освобожденная Россія“.

Цѣна 15 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1917.

998713

ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

В. В. ПОРТУГАЛОВЪ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПОСЛѢДНЯГО РОМАНОВА.

Издательство „Освобожденная Россія".

Цѣна 15 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1917.

17991 M
29-VII-1930

Царствованіе послѣдняго Романова.

I.

21 октября 1894 года на россійскій престолъ вступилъ Николай II, старшій сынъ императора Александра III. 2 марта 1917 г. онъ, уступивъ гнѣвнымъ требованіямъ народа, сошелъ съ престола. Такимъ образомъ, этотъ—будемъ надѣяться—послѣдній россійскій императоръ процарствовалъ 22 года, четыре мѣсяца, девять дней.

Царствованіе достаточно продолжительное и чрезвычайно тяжелое. Едва ли при какомъ другомъ государѣ русскій народъ пережилъ столько бѣдъ и несчастій, и ужъ навѣрно можно сказать, что ни одинъ государь не былъ такъ далекъ отъ своего народа, не былъ такъ чуждъ и прямо враждебенъ ему, какъ Николай II.

Правда, надо сказать, что, вступая на престолъ, Николай II получалъ довольно тяжелое наслѣдство. Уже тогда—22 года назадъ—въ русскомъ государствѣ обнаружилось много большихъ неустройствъ. Покойный отецъ нынѣ отрекшагося Императора,—Александръ III,—благоволилъ только развѣ къ однимъ дворянамъ,—и то постольку, поскольку дворяне готовы были держать народъ въ повиновеніи у царскаго начальства. Въ награду за эту помощь Александръ III возвышалъ дворянъ, дѣлалъ ихъ хозяевами и главными руководителями жизни на мѣстахъ. Съ этой цѣлью при Александрѣ III были пересмотрѣны тѣ реформы, которыя введены были въ русскомъ государствѣ при Александрѣ II, и каждая реформа была измѣнена такъ, что значеніе и вліяніе крестьянства и другихъ «низшихъ» сословій и классовъ было очень уменьшено, а значеніе и вліяніе дворянскаго класса усилено и возвышено.

*

Дворяне сдѣланы были господами въ земскихъ учрежденіяхъ, имъ принадлежала теперь большая часть мѣстъ въ земскихъ собраніяхъ, они стали почти исключительно предсѣдателями и членами управъ; ихъ предводители были непремѣнными вождями земствъ. Крестьяне могли попадать въ земскіе гласные въ самомъ незначительномъ числѣ и то каждый разъ съ утвержденія губернаторовъ, и самые выборы производились подъ надзоромъ и по указаніямъ земскихъ начальниковъ.

Эти послѣдніе были введены также при Александрѣ III и поставлены они были для того, чтобы напомнить народу,—за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ освобожденному отъ крѣпостного рабства,—о томъ, что помѣщичья власть не искоренена, а что, наоборотъ, народъ долженъ помнить прежній страхъ передъ помѣщикомъ. Земскимъ начальникамъ, назначавшимся почти исключительно изъ дворянъ-помѣщиковъ, предоставлено было вмѣшательство и въ хозяйственныя дѣла крестьянства, и въ его управленіе, а также дано было чинить на мѣстахъ судъ и расправу.

Молоденькіе дворянчики не замедлили воспользоваться данными имъ правами. Вспомнились отошедшія было времена крѣпостной Россіи. «Раззудись плечо, размахнись рука!»—вотъ съ какимъ словомъ шелъ земскій начальникъ въ деревню. Битье крестьянъ вошло въ обиходъ, и только одного изъ наиболѣе драчливыхъ земскихъ начальниковъ,—нѣкоего Протопопова, удалось привлечь къ суду за его рукоприкладство и при общемъ негодованіи всей страны отстранить отъ должности. А сколько другихъ «Протопоповыхъ» оставалось на своихъ мѣстахъ и занималось избіеніемъ крестьянъ и вымогательствами,—этого не пересчитаешь.

Не любилъ Александръ III и не заботился онъ и о народномъ образованіи. Онъ полагалъ въ согласіи со своими министрами, что просвѣщенный крестьянинъ не можетъ быть царскимъ рабомъ, что образованіе можетъ развить въ крестьянинѣ чувство собственнаго достоинства, а это несовмѣстимо съ его положеніемъ угнетаемаго. Поэтому на просвѣщеніе народа стали смотрѣть очень косо. Его отдали подъ надзоръ дворянскихъ

предводителей да еще духовенства, во главѣ котораго всталъ оберъ-прокуроръ св. синода, бывшій воспитателемъ царя Александра III—К. П. Побѣдоносцевъ. Этотъ человѣкъ боялся свѣтскаго просвѣщенія, какъ огня, и старался все образованіе народа замѣнить одной церковно-приходской учебой, которую выполняли невѣжественные священники. Побѣдоносцевъ былъ самымъ главнымъ и самымъ вліятельнымъ совѣтникомъ Александра III, и все самое мрачное, самое черное исходило отъ него. Онъ хотѣлъ бы, чтобы весь народъ превратился въ одного раба, который не смѣлъ бы не только возвысить голосъ протеста, но и не могъ бы внутри себя усомниться въ правѣ царскаго правительства распоряжаться и его тѣломъ и его душой.

Не будемъ перечислять всѣхъ другихъ ухудшеній, которыя созданы были при Александрѣ III въ жизни русскаго государства. Не будемъ говорить о томъ, какъ изуродованы были и среднія и высшія учебныя заведенія, какъ жестоко расправлялось правительство и съ учеными профессорами за ихъ честное служеніе наукѣ, за ихъ свободную мысль, и съ учащейся молодежью, желавшей прійти на помощь народу просвѣтленіемъ его сознанія. Остатки вольнаго слова въ печатномъ видѣ были задушены. Общественной жизни не существовало. На Руси воцарилась «тишь да гладь»,—но безъ Божьей благодати, тишь да гладь зловѣщая, предвѣщавшая недоброе.

Это недоброе и разразилось за два-три года до смерти Александра III. Въ 1891 году выпало засушливое лѣто, у крестьянъ не уродился хлѣбъ, и вотъ оказалось, что крестьянинъ долженъ умирать съ голода: никакихъ запасовъ не было. Отъ одного неурожая почти все крестьянство попало въ положеніе умирающихъ съ голоду индусовъ. Тутъ то и обнаружилось, каково было благополучіе народное подъ той тишью и гладью, какія водворилъ на русской землѣ Александръ III.

Взволновались русскіе люди. Стало и стыдно и страшно жить. Велика и обильна страна наша, а народъ приходится кормить милостыней—хлѣбомъ, который прислали намъ изъ-за океана Американцы.

Неужто это порядокъ? Нашлись люди, которые хотѣли растолковать народу причины этихъ непорядковъ, раскрыть глаза ему, указать его дѣйствительныхъ враговъ. По деревнямъ стали разсылаться листовки—«Письма къ голодающимъ крестьянамъ», въ которыхъ и разсказывалось все, какъ слѣдуетъ, на счетъ того, почему наша богатая страна оскудѣла и кто виновенъ въ ея разстройствѣ.

Всполошилось царское правительство. Пошли вылавливать «мужицкихъ доброхотовъ» (такъ подписаны были письма къ крестьянамъ) и засаживать ихъ въ острогъ. Арестовали очень дѣльнаго и преданнаго крестьянскому дѣлу писателя Николая Михайловича Астырева, увезли его въ Сибирь, тамъ онъ и погибъ. И много людей погибло тогда.

Другая писательница, Марія Константиновна Цебрикова рѣшила написать письмо самому царю, надѣясь, что если она раскроетъ ему всю правду, то царь задумается и не будетъ такъ слѣпо слушать во всемъ своихъ министровъ.

Написала Цебрикова письмо царю и не побоялась сказать въ немъ, что было въ дѣйствительности. Суровое вышло письмо, но правдой дышало каждое его слово. «Вы—самодержавный царь,—писала она въ концѣ письма. Одно Ваше слово—и въ Россіи переворотъ, который оставитъ свѣтлый слѣдъ въ исторіи. Если Вы захотите оставить мрачный, Вы не услышите проклятій потомства, ихъ услышатъ дѣти Ваши,—и какое страшное наслѣдство передадите Вы имъ».

Мы знаемъ теперь, какъ вѣрно оправдались эти слова смѣлой и честной русской писательницы. Вѣтеръ, посѣянный Александромъ III,—далъ бурю, которую пришлось пожать его сыну.

II.

Царь Александръ III, прочитавъ письмо Цебриковой, страшно разсердился. Говорили, что онъ даже выразилъ сожалѣніе о томъ, что для женщинъ отмѣнены тѣлесныя наказанія. Но съ Цебриковой и безъ того поступили жестоко. Уже тогда бывшая пожилой женщиной она была арестована и заключена

въ тюрьму, гдѣ провела долгіе мѣсяцы. Такъ всегда отвѣчали Романовы тѣмъ, кто осмѣливался говорить имъ правду...

Вскорѣ послѣ того Александръ III заболѣлъ и умеръ.

Престолъ перешелъ къ его сыну Николаю II.

Новому государю было едва 26 лѣтъ. Онъ только что женился на принцессѣ Алисѣ Гессенской, окрещенной Александрой Ѳеодоровной. Его вступленіе на престолъ прошло довольно гладко. Ему никто ничѣмъ не угрожалъ. И всѣмъ хотѣлось думать, что съ личной перемѣной на царскомъ тронѣ возникнутъ какія нибудь свѣжія дуновенія, станетъ легче дышаться, русскіе люди перестанутъ чувствовать себя вѣчно травимыми и оскорбляемыми рабами.

Такъ страстно ждали этого облегченія, что, хотя о молодомъ государѣ ничего путемъ не знали, но всѣ невольно стали надѣяться, что вотъ-вотъ онъ чѣмъ нибудь порадуетъ.

Нашлось нѣсколько человѣкъ, посмѣлѣе, которые рѣшили хоть глухо намекнуть царю о необходимости измѣнить государственный порядокъ, въ томъ смыслѣ, чтобы не одни чиновники властвовали надъ народомъ, а чтобы и самъ народъ могъ проявлять свое участіе и волю въ управленіи страной. Это были члены Тверского губернскаго земскаго собранія. Они высказали такой намекъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ адресѣ царю при его вступленіи на престолъ.

Николай II воспользовался этимъ случаемъ и отвѣтилъ на эти мечты русскихъ людей. Что же именно отвѣтилъ онъ?

«Пусть всѣ знаютъ—сказалъ онъ,—что я буду охранять начала самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель».

Самыя же надежды тверскихъ земцевъ онъ прямо назвалъ «безсмысленными мечтаніями».

Эти слова сказаны были мѣсяца черезъ три послѣ восшествія на престолъ Николая II, и съ той поры всѣмъ стало ясно, что на новаго государя надѣяться нечего.

И дѣйствительно, чѣмъ далѣе, тѣмъ опредѣленнѣе выяснялась личность Николая, какъ злѣйшаго представителя самовластія, какъ жестокаго ненавистника народной воли.

Когда на коронаціонныхъ празднествахъ царю представлялись волостные старшины, Николай II опять воспользовался случаемъ заявить, что яблочко недалеко падаетъ отъ яблоньки, что онъ ни въ чемъ не измѣнитъ политики своего отца.

Онъ прямо сказалъ крестьянамъ:

«Помните слова, сказанныя моимъ родителемъ волостнымъ старшинамъ при вѣнчаніи его на царство. Между вами есть многіе, слышавшіе ихъ сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда служили вамъ твердымъ руководствомъ».

Слова Александра III, на которыя ссылался его сынъ, состояли въ томъ, что царь внушалъ крестьянамъ «слѣдовать совѣтамъ и руководству предводителей дворянства и не вѣрить вздорнымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобному».

Принимая тогда же дворянскихъ представителей, Николай II отозвался иначе. Онъ милостиво заявилъ, что ему «извѣстно трудное время, переживаемое помѣстнымъ дворянствомъ». «Будьте спокойны—замѣтилъ царь,—я не забуду его нужду въ моихъ заботахъ о преуспѣяніи нашего дорогого отечества».

Такъ рѣзко подчеркнулъ молодой царь свое отношеніе къ крестьянству, только что пережившему тяжелые годы голода и холеры съ одной стороны,—а съ другой—къ управлявшему этимъ народомъ дворянству.

По истинѣ,—овому талантъ, овому—два, а овому—шишъ съ масломъ. Такова была справедливость Николая II. Вскорѣ передъ тѣмъ представился случай молодому царю отозваться и на нужды и страданія рабочаго класса.

Въ Ярославлѣ забастовали рабочіе Корзинкинской фабрики. Рабочіе жаловались на тяжелыя условія труда, длинный рабочій день, грубое обращеніе и пр. Стачечники вели себя мирно, но администрація поспѣшила вызвать войска и безъ

основанія и повода заставила солдатъ Фанагорійскаго полка учинить разстрѣлъ толпы рабочихъ.

Дошла объ этомъ страшномъ событіи вѣсть и до молодого царя. Какъ же отнесся онъ къ нему? Содрогнулось ли его сердце, сердце молодого, не зачерствѣвшаго отъ жизни человѣка, сердце государя, бьющагося любовью къ родному народу?

— Молодцы Фанагорійцы! Передайте имъ мой царскій поцѣлуй!

Вотъ какъ отозвался Николай II на разстрѣлъ рабочихъ. Вотъ какими чувствами къ родному народу билось его сердце...

Злой жестокій уродъ—вотъ что являлось русскимъ людямъ на тронѣ царскомъ. Мрачная судьба ожидала и безъ того обездоленный, изстрадавшійся народъ.

Заволакивалось свинцовыми тучами небо надъ русской землей... Уходила радость, наступили долгіе годы мрака и горя.

Молодой царь съ женой пріѣхали короноваться въ Москву. Послѣ коронованія собрали народъ на Ходынскомъ полѣ. Обѣщали поставить какое то жалкое угощеніе. Всѣ власти заняты были только тѣмъ, чтобы выслужиться передъ царемъ. Генералъ-губернаторомъ Московскимъ былъ тогда царскій дядя, великій князь Сергій Александровичъ,—развратный и самовластный злодѣй, которому ничего не стоило залить кровью народной хоть всѣ улицы столицы. Никто изъ его чиновниковъ не позаботился о томъ, чтобы гулянье на Ходынскомъ полѣ прошло въ порядкѣ. И вотъ произошло страшное несчастье. Народу набралось такъ много, что началась давка, которая еще усилилась отъ начавшейся паники. Толпа, подаваясь назадъ въ безпорядкѣ, попала въ ямы, въ этихъ ямахъ образовались груды навалившихся другъ на друга и задушившихъ другъ друга тѣлъ...

Царское празднество окончилось великой бѣдой. Первое празднество въ честь Николая II вышло народнымъ бѣдствіемъ. Знаменье, не предвѣщавшее ничего добраго и на будущее...

III.

Показавшись передъ народомъ во время своей такъ страшно закончившейся коронаціи, Николай II потомъ скрылся въ своихъ дворцахъ почти до самой Японской войны. Началось царствованіе, каждый день котораго приносилъ какое нибудь новое отягченіе. Царя не видѣли. Средостѣніе изъ царедворцевъ-чиновниковъ укрѣплялось между царемъ и народомъ все болѣе и болѣе. Министрами Николая II были люди, преданные ему, какъ слуги и съ чисто челядиной ненавистью и презрѣніемъ относившіеся къ народу и обществу. Главная власть сосредоточивалась въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ, вѣдавшаго всей полиціей. Сначала на этомъ посту находился И. Н. Дурново, доставшійся Николаю II отъ его батюшки—Александра, приближавшаго къ себѣ тупыхъ, прямолинейныхъ чиновниковъ. Потомъ править началъ Горемыкинъ, который былъ настоящимъ царскимъ камердинеромъ и считалъ своимъ дѣломъ лишь одно—сокращать общественную дѣятельность, не допускать никакого участія общества не только въ государственныхъ дѣлахъ, но и въ устройствѣ своего быта. Въ душѣ это былъ подлинный крѣпостникъ, не понимавшій, зачѣмъ это подданнымъ царя можетъ быть нужна какая нибудь свобода, когда у царя есть слуги, которые сами знаютъ, что нужно дѣлать.

Горемыкина смѣнилъ еще болѣе отсталый человѣкъ, Сипягинъ, который полагалъ, что надо еще сильнѣе скрутить народъ, и что только дворянамъ надо увеличить ихъ привилегіи. Этотъ министръ былъ убитъ за свою жестокость. При немъ изданы были правила, по которымъ студенты, заявлявшіе о своемъ недовольствѣ университетскими порядками, отдавались въ солдаты. Двѣ группы кіевскихъ и петроградскихъ студентовъ были сданы такимъ образомъ въ солдаты за выраженіе своего недовольства. Народнымъ просвѣщеніемъ вѣдалъ тогда профессоръ Боголѣповъ, готовый вмѣстѣ съ названнымъ выше Сипягинымъ дѣлать что угодно съ молодежью, лишь бы смирить ее. Тогда одинъ студентъ, по имени Карповичъ, пришелъ къ Боголѣпову на пріемъ, якобы

подать прошеніе, а въ дѣйствительности съ цѣлью выстрѣлить въ него, чтобы этимъ выстрѣломъ показать, какъ глубоко возмущена молодежь чинимыми надъ нею насиліями. Придя на пріемъ, Карповичъ все-таки еще колебался,—стрѣлять ли ему. Но вотъ появился министръ и, подойдя къ одному изъ просителей, сталъ объяснять, что правительство не сочувствуетъ просвѣщенію широкихъ массъ и заботится только о дворянскомъ образованіи. Не выдержалъ Карповичъ этого безстыднаго признанія изъ устъ профессора, такъ холопски отдавшагося на служеніе придворной знати. Не дрогнула его рука, когда онъ поднялъ ее на министра,—и Боголѣповъ былъ убитъ.

Но студентовъ продолжали хватать и сдавать въ солдаты. Тогда въ воскресенье—то было 4 марта 1901 года—у Казанскаго собора собрались толпы студентовъ, курсистокъ и просто интеллигентныхъ людей города Петрограда, и они стали громко заявлять свой протестъ противъ такихъ насилій и вывѣсили плакаты съ надписью: «долой временныя правила противъ студентовъ».

Министръ Сипягинъ распорядился принять самыя строгія мѣры. Призваны были жандармы, полиція, казаки, и они нагайками избивали молодежь даже въ самомъ соборѣ и на площади около него и затѣмъ всѣхъ арестовали и разослали по разнымъ городамъ.

Однако, правила все-таки отмѣнили, и студентовъ, отданныхъ въ солдаты, вернули изъ казармъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ того, когда однажды Сипягинъ пріѣхалъ въ Маріинскій дворецъ, къ нему подошелъ молодой офицеръ и подалъ пакетъ, говоря, что его прислалъ великій князь изъ Москвы. Но едва Сипягинъ успѣлъ разорвать конвертъ, какъ мнимый офицеръ, оказавшійся соціалистомъ-революціонеромъ Болмашевымъ, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера. Такъ былъ убитъ второй министръ при Николаѣ.

Затѣмъ было произведено (неудачное) покушеніе и на третьяго министра, оберъ-прокурора Св. Синода, Побѣдоносцева, того самаго, который воспитывалъ Александра III и былъ самымъ

злымъ врагомъ народнаго просвѣщенія. И при Николаѣ II онъ оставался главнымъ вождемъ и руководителемъ внутренней политики, онъ былъ душой всѣхъ самыхъ злостныхъ покушеній на народныя права, онъ внушалъ самыя жестокія мѣры и требовалъ, чтобы въ цѣпяхъ держали не только тѣло, но и душу народа.

Покушенія и убійства министровъ не были поняты Николаемъ II за предостереженія. Наоборотъ, онъ продолжалъ на мѣста убитыхъ подбирать еще болѣе рѣшительныхъ, безоглядныхъ палачей. Такъ, на мѣсто Сипягина назначенъ былъ фонъ-Плеве,—человѣкъ, проведшій всю жизнь свою въ департаментѣ полиціи и смотрѣвшій на всѣ государственные вопросы съ одной точки—полицейской.

При этомъ министрѣ студентовъ стали ссылать въ Сибирь, но проявленія народнаго недовольства только еще болѣе усилились.

IV.

Недовольные были почти во всѣхъ классахъ народа. Шумнѣе и рѣзче другихъ выражалъ недовольство своимъ положеніемъ рабочій классъ.

Русскіе рабочіе при Александрѣ III добились первыхъ, очень скромныхъ, законовъ, охраняющихъ ихъ отъ самыхъ крайнихъ, самыхъ вопіющихъ угнетеній. Были изданы запрещенія замучивать на работѣ несовершеннолѣтнихъ, былъ установленъ договоръ найма рабочихъ съ хозяевами, въ которомъ запрещалось расплачиваться за работу товарами изъ фабричныхъ лавокъ, сокращались права, вѣрнѣе, произволъ хозяевъ въ назначеніи штрафовъ и давались нѣкоторыя другія льготы. Наконецъ, Александръ III согласился ввести особыхъ чиновниковъ,—фабричныхъ инспекторовъ, которые должны были слѣдить за выполненіемъ этихъ правилъ.

Но за исключеніемъ этихъ облегченій, на дѣлѣ далеко не всюду и не строго соблюдавшихся,—во всемъ остальномъ рабочіе находились въ очень тяжеломъ положеніи. Рабочій день тянулся

по 12 и болѣе часовъ, ночью работали такъ же, какъ и днемъ, работали и по воскресеньямъ, заработная плата была нищенской и никакой помощи—ни докторской, ни какой другой—рабочимъ не оказывалось. Обращеніе было самое жестокое, и зависимость рабочихъ была полная.

Надо было быть скотомъ безсловеснымъ, чтобы долго переносить безропотно такія условія. Мудрено ли, что рабочіе все чаще и чаще начинаютъ бастовать? Мы уже видѣли, однако, какъ правительство Николая, только что вступившаго на царство, отвѣтило на первую забастовку рабочихъ Корзинкинской фабрики въ Ярославлѣ. Но проявленная тутъ свирѣпость не остановила рабочихъ, и стачки въ слѣдующіе годы стали охватывать цѣлые районы.

Съ ноября 1895 г. въ Петроградѣ не затихаютъ стачки то на одной, то на другой фабрикѣ. Правительство, признававшее стачки преступленіемъ, вылавливало зачинщиковъ, сажало ихъ въ тюрьмы, но всѣхъ рабочихъ пересажать, конечно, не было возможности. Тогда 2 іюня 1897 г. былъ, наконецъ, изданъ новый законъ, по которому рабочій день взрослыхъ рабочихъ ограничивался 11½ ч., и вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещалась ночная работа для женщинъ.

Однако, тотчасъ по изданіи этого закона министръ финансовъ Витте сдѣлалъ рядъ циркулярныхъ распоряженій, допускавшихъ работу и послѣ 11½ часовъ. Стачки, поэтому, не прекратились, тѣмъ болѣе, что другія стороны рабочаго быта оставались уже совершенно неизмѣненными ни въ чемъ, неулучшенными. Кромѣ того, къ этому времени русскій рабочій уже началъ сознавать, что онъ, какъ и всякій человѣкъ, имѣетъ право на здоровое и достойное существованіе и ощущалъ потребность въ томъ, чтобы съ нимъ не обращались, какъ со скотомъ или съ безчувственнымъ придаткомъ къ машинѣ. Многіе изъ рабочихъ сумѣли кое-что почитать, образовать свой умъ, развить свое сознаніе. Они уже начинали различать, кто имъ врагъ, кто—другъ. Когда заболѣлъ одинъ изъ писателей, много потрудившійся для просвѣтлѣнія народнаго сознанія,—Николай Васильевичъ Шелгу-

новъ,—рабочіе Петрограда составили ему сочувственное письмо—«адресъ», и въ этомъ письмѣ они выражали свою благодарность за его защиту рабочихъ интересовъ.

Царское правительство, свирѣпо расправлявшееся со стачечниками, еще болѣе насторожилось, когда замѣтило появленіе среди рабочихъ новыхъ «сознательныхъ» людей. Заводы наводнены были охранниками, шпиками, за рабочими старательно слѣдили. Избіеніе рабочихъ городовыми стало производиться все чаще и чаще. За избіеніями начались разстрѣлы. Не проходило полугода, чтобы откуда нибудь не приходило извѣстія о жертвахъ массовыхъ разстрѣловъ.

Поняли тогда рабочіе, чего имъ можно ждать отъ царскаго правительства, и съ этой поры рабочіе начинаютъ ближе и глубже интересоваться не только своими дѣлами, но и общей политикой правительства. Съ 1903 г. рабочіе устраиваютъ всеобщія забастовки, выставляя не только экономическія свои требованія, но и требованія перемѣны всего политическаго порядка.

Правительство попыталось тогда обойти рабочихъ. Оно стало прикидываться, что готово даже разрѣшить экономическіе союзы рабочихъ, но съ тѣмъ, чтобы только рабочіе не занимались политикой. Охранники стали выставлять себя друзьями рабочаго класса. Больше всего старался по этой части московскій охранникъ Зубатовъ, и по его имени вся эта хитрая механика получила названіе «зубатовщины». По его почину, въ Москвѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ, въ Минскѣ, Одессѣ,—охранники устраивали лекціи для рабочихъ, вели съ ними бесѣды, и, между дѣломъ, вылавливали тѣхъ, кто дѣйствительно стоялъ за товарищеское дѣло.

Конечно, «зубатовщина» была скоро разгадана, и рабочіе отшатнулись отъ этихъ волковъ, одѣвшихся въ овечьи шкуры. Впрочемъ, само правительство скоро убѣдилось, что и для него самого эта игра далеко не безопасна и прекратило ее. А среди рабочихъ постепенно стали создаваться и крѣпнуть подпольныя рабочія общества, которыя нашли себѣ настоящихъ

друзей и помощниковъ среди интеллигентовъ, студентовъ и вообще въ образованныхъ классахъ.

V.

Туго жилось рабочему классу, но не сладко складывалась жизнь и для крестьянства.

Послѣ описанной нами раньше страшной голодовки 1891—92 г.г., деревню продолжали и въ слѣдующіе годы постигать сильные неурожаи, и каждый разъ правительство Николая II, какъ и при его отцѣ, старалось скрыть эти страшныя бѣдствія, запрещало писать про нихъ въ газетахъ и старалось, чтобы только одни земскіе начальники вѣдали дѣло продовольственной помощи народу. Даже земскимъ гласнымъ, которые по закону должны были пещись о нуждахъ и пользахъ мѣстнаго населенія,—и тѣмъ старались помѣшать выполнить свой долгъ, когда они пытались прійти на помощь голодающимъ братьямъ. Въ концѣ концовъ правительство рѣшило совсѣмъ отстранить земскихъ и общественныхъ дѣятелей отъ продовольственнаго дѣла и составило въ этомъ смыслѣ особый законъ. И вообще правительство зорко слѣдило, чтобы земскіе дворяне не очень то радѣли о меньшомъ братѣ, въ особенности чтобы не увлекались дѣломъ народнаго образованія. И для того, чтобы кореннымъ образомъ затруднить земствамъ заботиться о народѣ, правительство сочинило еще одинъ законъ, по которому земства не могли расходовать свои средства въ той мѣрѣ, какъ это требовалось народными нуждами, чтобы въ каждый слѣдующій годъ земскія смѣты были больше смѣты предыдущаго года только на три процента; а что сверхъ того,—то хоть пусть нужда будетъ самая неотложная, а земство не можетъ ассигновать на нее денегъ.

Урѣзывая земства въ ихъ работѣ на народныя нужды, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ усиливало на мѣстахъ власть земскихъ начальниковъ, становыхъ, урядниковъ и пр. Несмотря на тяжелые неурожайные годы, правительство не желало поступаться ни копейкой платежей и требовало отъ властей выкола-

чивать недоимки самымъ безжалостнымъ образомъ. И не проходило осени, чтобы деревенскій скотъ и самый жалкій скарбъ мужицкій не шли за безцѣнокъ съ аукціоновъ или не отбирались ретивымъ начальствомъ.

Нужно ли добавлять къ этому, что съ мужикомъ не церемонились и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ,—тыкали и пинали его при каждомъ случаѣ... А задумается крестьянинъ, попытается разобраться въ тѣхъ вопросахъ, которые вложены въ душу каждаго живого человѣка, начнетъ размышлять о Богѣ,—сейчасъ за нимъ устанавливается надзоръ. И, если окажется, что крестьяне думаютъ и молятся не такъ, какъ предписываетъ оберъ-прокуроръ Побѣдоносцевъ,—тотчасъ его начинаютъ преслѣдовать, сажать въ тюрьмы, ссылать въ Сибирь. Въ особенности много и жестоко преслѣдовали при Николаѣ II разныхъ сектантовъ,—и нѣкоторые изъ нихъ, напр., духоборы, не выдержавъ гоненій, цѣлымъ массами бросали родную землю и уѣзжали за океанъ въ далекую Америку.

Терпѣнья русскому народу не занимать стать. Однако, всему есть мѣра. Пришелъ конецъ и терпѣнью крестьянскому. Съ 1902 г. среди крестьянъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ началось движеніе. Крестьяне, уставши ждать облегченій отъ царя, принялись отбирать у помѣщиковъ хлѣбъ, запасы сѣна и соломы,—и вообще устраивать безпорядки,—потому что не знали, какъ имъ иначе дать знать о своемъ горѣ и неблагополучіи.

Какъ отвѣтило на это правительство Николая II,—догадаться не трудно. Начались ужасныя избіенія крестьянъ, массовыя сѣченія, страшныя издѣвательства. Въ особенности старался по этой части Харьковскій губернаторъ, кн. Оболенскій, проявившій безудержную свирѣпость въ усмиреніи крестьянъ.

Когда Николаю II донесено было о жестокостяхъ ретиваго слуги царскаго, онъ ни на минуту не задумался объ участи изстрадавшихся крестьянъ, но пришелъ въ великую радость и умиленіе отъ ихъ избіеній. Никого не стыдясь, онъ велѣлъ

передать кн. Оболенскому свой царскій поцѣлуй въ благодарность за сѣченье крестьянъ.

Одинъ царскій поцѣлуй былъ данъ за убійство рабочихъ въ Ярославлѣ, теперь посланъ былъ другой царскій поцѣлуй—за сѣченье крестьянъ. Вотъ какое сердце у Николая II, вотъ чѣмъ можно было его растрогать и плѣнить...

Однако, волненія крестьянъ и общія тяжелыя условія жизни, надъ которыми не хотѣлъ задумываться царь, стали не на шутку безпокоить русскихъ людей,—изъ образованныхъ круговъ, изъ среды земскихъ и общественныхъ дѣятелей. Тяжесть жизни ощущалась, вѣдь, и ими, и ихъ давилъ гнетъ царскаго самовластія, чиновничьяго произвола и безтолковаго хозяйничанья въ странѣ.

Подъ напоромъ общественнаго мнѣнія Николай II согласился на предложеніе своего министра финансовъ Витте устроить особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Совѣщаніе это подъ предсѣдательствомъ Витте устроено было въ Петроградѣ, а на мѣстахъ, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, созывались мѣстные комитеты для перечисленія и указанія своихъ частныхъ нуждъ.

Созывая эти совѣщанія, Витте приглашалъ всѣхъ высказываться по совѣсти, говорить все, что наболѣло на душѣ. Но не успѣли члены совѣщаній развить свои жалобы, какъ, по приказу министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, ихъ начали, безъ всякаго стѣсненія, хватать и посылать въ ссылку. Все-таки удалось на этихъ совѣщаніяхъ точно и твердо указать, что установившійся на Руси порядокъ никуда не годенъ, что чиновничьимъ произволомъ нельзя управлять 150-милліоннымъ народомъ и что хозяйство государственное и бытъ народный приходятъ во все большее и большее разстройство.

Но всѣ эти указанія для Николая и его министровъ были все равно, что по стѣнѣ горохъ. Наиболѣе смѣлыхъ ораторовъ заточили, а другихъ просто распустили по домамъ.

У царскаго министра Плеве былъ другой способъ, какимъ онъ думалъ отвести народный гнѣвъ. Зналъ Плеве, что среди

русскихъ людей не мало было темноты и невѣжества,—вѣдь эта темнота такъ усердно охранялась царской опричниной. И вотъ рѣшено было использовать эту темноту, натравивъ на ни въ чемъ неповинныхъ инородцевъ. Дескать, инородцы—внутренніе враги, отъ нихъ и исходитъ вся бѣда. Пуще же всего удавалось натравливать на евреевъ, про которыхъ всегда сочинялись всякія небылицы. Вотъ и на этотъ разъ Плеве порѣшилъ свалить съ своей больной головы на голову евреевъ народное недовольство. Въ городѣ Кишиневѣ были организованы шайки хулигановъ и при подстрекательствѣ полиціи начали избивать евреевъ и громить ихъ дома и лавки. Много невинныхъ людей погибло при этомъ, много женщинъ и дѣтей передушили, подвергли истязаніямъ, гнуснымъ насиліямъ...

Свершилось позорное дѣло, и страшно, и стыдно стало русскимъ людямъ. Но правительство не остановилось и повторило погромъ въ другомъ городѣ—Гомелѣ.

Однако, народное недовольство не убывало, и всѣ понимали, что на евреяхъ не отыграешься. И вотъ затѣяна была другая, еще болѣе опасная исторія.

VI.

Ни усиленная бдительность полиціи, ни разстрѣлы, ни подавленіе печатнаго слова, ни травля инородцевъ не могли заглушить все растущаго въ народѣ недовольства.

Тогда царское правительство рѣшило испробовать еще одно средство—это отвлечь мысль и волю народныя отъ внутреннихъ дѣлъ къ внѣшнимъ, поставить народъ въ необходимость воевать съ сосѣдними государствами. Есть большія основанія думать, что правительство Николая II въ лицѣ Плеве сознательно втравливало Японію въ войну съ нами. Разные плуты и проходимцы, получившіе отъ царя права на устройство своихъ темныхъ предпріятій въ Манчжуріи, вели себя вызывающе, нарочно раздражали японцевъ и довели дѣло до того, что Японія объявила намъ войну и напала на наши корабли у Портъ-Артура врасплохъ.

Преступность царскаго правительства не знала границъ. Правительство, втравливая японцевъ въ войну, въ то же время совершенно не заботилось встрѣтить врага надлежащимъ образомъ. Наоборотъ, оно проявило полнѣйшую безпечность. Оно поручило защиту Портъ-Артура такимъ военачальникамъ, которые въ самую ночь, когда японскія суда произвели нападеніе, гуляли и бражничали. Верховное командованіе флотомъ принадлежало царскому дядѣ Алексѣю Александровичу, который тратилъ казенныя средства на содержаніе балеринъ-артистокъ, а въ военно-морскихъ дѣлахъ ровно ничего не понималъ.

Мудрено ли при такихъ условіяхъ, что насъ постигали одна за другой военныя неудачи. Даже самые смѣлые и талантливые моряки, въ родѣ адмирала Макарова, погибшаго на «Петропавловскѣ», и самые благородные и знающіе люди, какъ генералъ Кондратенко, не могли спасти Портъ-Артура, ни обезпечить нашимъ войскамъ побѣды. Къ тому же вести войну въ далекой Манчжуріи, на чужой землѣ, за много тысячъ верстъ отъ русскихъ центровъ, при одной желѣзной дорогѣ, да притомъ, что царскіе чиновники въ тылу принялись безбожно грабить и мародерствовать, а вблизи фронта генералы предавались разгулу— это хоть кому было бы не по силамъ. Въ концѣ концовъ комендантъ Портъ-Артурской крѣпости, ген. Стессель оказался мошенникомъ и сдалъ крѣпость, не использовавъ всѣхъ средствъ защиты. Флотъ нашъ тихоокеанскій также былъ весь ослабленъ, а посланная на помощь балтійская эскадра была разбита, потому что была и малочисленна и плохо вооружена.

Словомъ, несчастья преслѣдовали насъ, и всѣмъ было ясно, кто тутъ виноватъ. Не надо было начинать войны, ибо захватывать Манчжурію для насъ вовсе не было необходимости. Затѣмъ, къ войнѣ мы были совершенно не подготовлены. Плеве и другіе министры надѣялись военнымъ шумомъ заглушить народное недовольство. На самомъ дѣлѣ война это недовольство только усилила и разожгла. Еще виднѣе стали главные преступники, безпощадно позорившіе страну, и еще нестерпимѣе сталъ ихъ гнетъ и позоръ, которымъ они покрывали русское государство.

Уже черезъ полгода послѣ войны министръ Плеве былъ убитъ бомбой на улицѣ Петрограда. Въ обществѣ усилилось революціонное движеніе. Сознаніе, что съ такимъ правительствомъ ни воевать нельзя, ни жить въ мирное время, стало распространяться во всѣхъ классахъ народа.

Земскіе дѣятели стали устраивать безъ разрѣшенія правительства съѣзды и на нихъ выносили рѣшенія довести до свѣдѣнія царя о необходимости измѣнить государственный порядокъ и требовали, чтобы въ управленіи страной приняли участіе выборные отъ народа. Царь долгое время и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Николай II считалъ, что онъ одинъ лучше всѣхъ все знаетъ, и требованія созвать народныхъ представителей продолжалъ называть «безсмысленными мечтаніями». Онъ и не догадывался, какъ близко стали эти «мечтанія» къ своему осуществленію.

Земства посылали царю депутаціи, царь ихъ выслушивалъ, но отвѣчалъ имъ неопредѣленно, неясно. Однако, въ народѣ все сильнѣе стало сказываться нетерпѣніе. Тогда царскіе охранники попытались вновь прибѣгнуть къ провокаціи. Въ Петроградѣ они поручили священнику Гапону устраивать рабочіе клубы, чтобы, во-первыхъ, знать, во-время настроеніе рабочихъ и въ случаѣ чего выловить вождей и руководителей ихъ, а во-вторыхъ, чтобы обходить ихъ политическія требованія разными обманными посулами. Но на этотъ разъ провокаторы ошиблись въ своихъ расчетахъ.

Рабочіе въ гапоновскіе клубы пошли, но воспользовались ими, чтобы сплотиться и организоваться. Тогда и самъ Гапонъ, повидимому, почувствовавъ возможность народнаго движенія, узлекся имъ и сталъ во главѣ рабочихъ. Рѣшено было въ воскресенье 9 января 1905 г. пойти къ зимнему дворцу, вызвать царя и вручить ему петицію отъ всего народа. Въ петиціи этой было высказано о всѣхъ вѣковыхъ страданіяхъ народа, о безмѣрномъ гнетѣ, въ которомъ его держали Романовы, и заявлены были требованія улучшить жизнь народную, облегчить всѣ бѣдные классы и дать народу свободу.

Нечего и говорить, что Николай II и не подумалъ выйти, когда съ утра 9 января къ зимнему дворцу потянулись толпы народа. Онъ скрылся, приказавъ генераламъ вывести войска и палить въ народъ.

Улицы Петрограда оросились кровью народной. Вмѣсто свободы посылалъ царь свинецъ своему народу. Груды труповъ лежали и въ Александровскомъ саду, и за Нарвской заставой, и на Каменноостровскомъ проспектѣ, и въ другихъ мѣстахъ.

Дрогнула душа русскаго народа, но не устрашилась. Кровавое воскресенье показало, что за царь сидитъ на престолѣ, какъ онъ относится къ народу. И съ этого дня народъ сталъ готовиться къ расчету съ царскою властью.

VII.

Не прошло и четырехъ недѣль послѣ этого, какъ царскій дядя Сергѣй Александровичъ, котораго справедливо считали главнымъ виновникомъ бойни 9 января, былъ уничтоженъ на улицѣ Москвы брошенной въ него бомбой. Мстители за народъ появлялись теперь одинъ за другимъ, и то въ одномъ, то въ другомъ городѣ царскіе опричники подвергались казни народной.

Царю пришлось остановить войну. Онъ согласился на миръ съ Японіей, отказался отъ части Манчжуріи и отдалъ Японіи половину нашего Сахалина. Такъ зря погибли и всѣ наши корабли, и масса народу, да еще наша же земля, богатая сельдью, отнята была у насъ. Но даже этотъ позорный миръ не заставилъ Николая II задуматься, правильно ли онъ понимаетъ свой долгъ передъ народомъ. И только, когда въ октябрѣ мѣсяцѣ, по всей Россіи перестали ходить желѣзнодорожные поѣзда, остановленные забастовавшими служащими, и всѣ рабочіе и всѣ классы обществъ объявили съ своей стороны забастовку,— только тогда Николай II, испугавшись общенароднаго движенія, счелъ себя вынужденнымъ пойти на уступки.

Графъ Витте взялся успокоить народъ и «спасти» монархію. Онъ уговорилъ царя собрать народныхъ представителей и предоставить имъ нѣкоторое участіе въ изданіи законовъ.

17 октября былъ изданъ царскій манифестъ, возвѣщавшій, что отнынѣ ни одинъ законъ не воспримете своей силы безъ обсужденія его въ Государственной Думѣ, которая будетъ созвана, по возможности, на «общемъ» избирательномъ правѣ; кромѣ того, давалось торжественное обѣщаніе дать народу свободы—и слова, и собраній, и союзовъ. Обѣщалось также, что власть правительства будетъ контролироваться (ревизоваться) народными избранниками.

Но едва пронесся по странѣ вздохъ радостнаго облегченія отъ этихъ обѣщаній, какъ со всѣхъ сторонъ понеслись извѣстія, что царскіе опричники, организовавъ шайки хулигановъ и разбойниковъ, избиваютъ и громятъ мирныхъ людей за ихъ сочувствіе новому порядку. Больше всего громилы царскіе нападали на евреевъ, какъ на самыхъ беззащитныхъ людей. На Кавказѣ татаръ натравляли на армянъ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ инородцевъ было мало, избивали и даже сжигали интеллигентовъ, земскихъ дѣятелей, вообще друзей народа.

Такъ, давая одной рукой уступки народу, царь другой рукой далъ знакъ своей опричнинѣ и образовавшейся подъ его покровительствомъ «черной сотнѣ» расправиться съ тѣми, кого онъ считалъ виновниками революціи.

Эту черную сотню, которая нагло присвоила себѣ названіе «Союза русскаго народа» и которая состояла изъ преступниковъ, воровъ, титулованныхъ казнокрадовъ и сановныхъ мошенниковъ, царь всячески поощрялъ, щедро награждалъ и охотно освобождалъ отъ наказаній, которыя суды иногда назначали этимъ разбойникамъ.

Отнынѣ Николай II тѣсно сдружился съ этими бандами, которыя завелись на царскія деньги въ каждомъ городѣ, и почувствовалъ себя въ большей безопасности. Онъ уже раскаивался, зачѣмъ въ минуту малодушія онъ пошелъ на уступки и согласился на созывъ народныхъ представителей. Однако, совершенно взять назадъ манифестъ 17 октября онъ не рѣшился. Но когда дѣло дошло до того, чтобы выполнить данныя въ немъ обѣщанія, уплатить по значащемуся въ немъ счету,—царь

явно началъ мошенничать. Всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права для выбора народныхъ представителей установлено не было, Государственной Думѣ предоставлялись очень скромныя права и, въ особенности, ограничено было ея вмѣшательство въ распоряженіе народной казной. Министры и всѣ правительственныя власти попрежнему признавались отвѣтственными лишь передъ царемъ, а не передъ народными избранниками. Наконецъ, самыя гражданскія свободы были опредѣлены такъ, что начальство въ любое время могло закрыть и газету, и союзъ, и общество и распустить народное собраніе.

Словомъ, свобода вышла больше на бумагѣ.

Изданіе законовъ принадлежало не одной Государственной Думѣ; надъ ней устроенъ былъ еще Государственный Совѣтъ, въ который половина членовъ назначалась самимъ царемъ изъ старыхъ сановниковъ и черносотенныхъ слугъ царя.

При такихъ условіяхъ настоящаго обновленія въ государствѣ ожидать нельзя было. Правильнѣе надо было такъ полагать, что въ старомъ порядкѣ была лишь пробита брешь, которую, однако, надо было еще увеличить, чтобы создать полное и истинное обновленіе.

VIII.

Государственную Думу рѣшено было созвать на 27 апрѣля 1906 г. Правительство надѣялось, что крестьянство выберетъ послушныхъ царю людей, которые одобрятъ царскую политику, и въ ожиданіи этого продолжало вести жестокую расправу съ борцами за народную свободу. Только что, послѣ изданія манифеста 17 октября, освободивъ изъ тюремъ многихъ (хотя и не всѣхъ) политическихъ заключенныхъ, правительство вновь наполнило тюрьмы и Сибирскую ссылку тысячами борцовъ. Писателей, обличавшихъ его за жестокость и беззаконія, стали также засаживать въ крѣпость, осуждая изъ на многіе годы заключенія.

Однако, надежды на крестьянъ не оправдались. «Эта карта была бита»,—какъ сознался впослѣдствіи одинъ изъ царскихъ

министровъ. Крестьяне послали въ первую Государственную Думу людей честныхъ и сознательныхъ, которые и стали требовать земли и воли. Рабочіе были недовольны порядкомъ выборовъ, тѣмъ, что не всѣмъ дано было право голоса, и не хотѣли участвовать въ избраніи депутатовъ, надѣясь, что народу удастся окончательно свергнуть царя и созвать тогда учредительное собраніе съ равнымъ участіемъ на выборахъ всѣхъ гражданъ Россіи. Они стали, поэтому, «бойкотировать» Думу; однако, не всѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе не согласились съ такимъ образомъ дѣйствій и избрали своихъ депутатовъ, которые объявили себя сторонниками соціалъ-демократической рабочей партіи. Партія эта требовала созыва учредительнаго собранія и учрежденія въ Россіи «демократической республики», т. е. такого государственнаго строя, при которомъ глава государства является не наслѣдственнымъ монархомъ, а избирается на нѣсколько лѣтъ народомъ или представителями народными.

Однако, въ то время въ Россіи было очень и очень много людей, которые не находили полезнымъ такое коренное переустройство столь давно установившагося въ странѣ монархическаго строя. Многіе полагали, что нужно добиться только того, чтобы правительство отвѣчало за свои поступки передъ Государственной Думой, и тогда всегда можно будетъ во-время уволить его, если оно не удовлетворяетъ желаніямъ народныхъ представителей.

Кромѣ того, въ странѣ было не мало и совсѣмъ несознательныхъ, которые продолжали вѣрить въ Николая II.

Собравшись, I-я Государственная Дума составила царю «адресъ» и въ этомъ адресѣ изложила всѣ исконныя чаянія народа. Въ немъ указано было, что народъ ждалъ не такой безправной Думы, а Думы полновластной, надъ которой не стоитъ другой палаты—изъ вельможъ, что народъ нуждается въ установленіи всѣхъ свободъ, что ему нужна земля, нужны добросовѣстные законы, облегчающіе положеніе рабочихъ, и пр. и пр.

Однако, правительство, во главѣ котораго стояли тогда министры Горемыкинъ и Столыпинъ, и слышать не хотѣли

объ удовлетвореніи этихъ вполнѣ справедливыхъ требованій и пожеланій. Они стали, поэтому, вести такую игру. Съ Думой они тянули время, не давая ей издавать законовъ, а въ странѣ они продолжали организовывать черную сотню, чтобы дать отпоръ революціонному движенію.

Опять началась смута.

Крестьяне, не ожидая рѣшеній Думы, принялись жечь помѣщичьи усадьбы, рубить лѣса, запахивать чужія поля. Рабочіе то и дѣло бастовали, устанавливали на фабрикахъ свои порядки и призывали народъ вооружаться. Вооруженія, однако, было мало. Въ Москвѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ рабочіе пробовали устроить возстаніе, но правительство съ помощью вѣрныхъ ему войскъ, легко подавило его и при этомъ перебило многое множество смѣлыхъ борцовъ за народную свободу. То же было и въ другихъ городахъ. Отъ этихъ усмиреній правительство только все болѣе смѣлѣло, полагая, что ему будетъ легко справиться съ революціей.

Сила народа могла быть въ единеніи. А между тѣмъ въ народѣ началась рознь. Появились партіи, которыя не хотѣли поступиться ничѣмъ въ своихъ самыхъ крайнихъ требованіяхъ и легко обвиняли несогласныхъ съ ними въ измѣнѣ и предательствѣ дѣлу народному. Благоразумныхъ людей, призывавшихъ къ единенію, съ презрѣніемъ отвергали, считая, что они не хотятъ дать народу всей свободы. Горячей головѣ часто кажется, что стоитъ чего пожелать, то и исполнится. И тутъ многіе горячіе люди готовы были вѣрить, что правительство обезсилено и надо только сдѣлать хорошій напоръ, чтобы оно отказалось отъ всего и ушло. На самомъ дѣлѣ правительство было еще очень сильно. Войска были въ большинствѣ вѣрны Николаю II, и, когда ихъ вызывали противъ народа, они выполняли приказанія. Были, конечно, случаи, когда полки нѣкоторые отказывались и даже сами поднимали бунты, но тогда вызывались другіе полки и усмиряли возставшихъ.

Вотъ, надѣясь на это, правительство и рѣшило расправиться и съ народомъ и съ самой Думой.

Въ ночь съ 8 на 9 іюля царь объявилъ роспускъ Гос. Думы и назначилъ Столыпина главнымъ министромъ.

Тѣ, кто ожидалъ, что этотъ актъ вызоветъ всеобщее возстаніе въ странѣ, долженъ былъ горько разочароваться. Возстаніе произошло только въ крѣпости Свеаборгѣ, на кораблѣ «Память Азова», въ Кронштадтѣ, въ Ставропольской губ., но въ общемъ страна приняла этотъ ударъ болѣе или менѣе покорно. Частичныя же возстанія были легко подавлены.

Члены распущенной Думы, найдя самое зданіе Таврическаго дворца запертымъ, выѣхали въ г. Выборгъ и тамъ написали воззваніе къ народу. Въ этомъ воззваніи они призывали его не платить податей и не давать царю солдатъ. За это ихъ судили и посадили въ тюрьмы.

IX.

Распустивъ первую Думу, правительство назначило созывъ второй Думы черезъ 7 мѣсяцевъ—на 20 февраля. За это время правительство не переставало арестовывать революціонеровъ и многихъ подвергло смертной казни. Революціонеры отвѣчали съ своей стороны покушеніями на царскихъ слугъ, и многіе изъ нихъ были убиты.

Были брошены бомбы даже въ дачу Столыпина (на Аптекарскомъ островѣ); дача была разрушена, но самъ Столыпинъ остался на этотъ разъ невредимъ.

Смута ухудшалась. Появилось много разбойниковъ. Правительство устраивало скоро-рѣшительные военно-полевые суды, которые выносили десятками смертные приговоры и зачастую казнили людей совсѣмъ невинныхъ или мало причастныхъ къ дѣлу. Кромѣ того, черносотенцы изъ «Союза русскаго народа» устраивали отъ себя «казни». Они убили, напр., члена Гос. Думы М. Я. Герценштейна за его рѣчи въ Думѣ. Крестьяне продолжали добиваться земли. Чтобы отвести взоры крестьянъ отъ помѣщичьей земли, которую Столыпинъ считалъ нужнымъ охранять пуще всего, онъ издалъ безъ Гос. Думы новый законъ; по этому закону крестьянамъ предоставлялось право выбирать

изъ своей общинной земли отдѣльные участки, выкупать ихъ, выходить съ ними на отруба и хутора. Этотъ законъ поселялъ среди крестьянъ ссоры и несогласія изъ-за своей земли, а этого только и надо было Столыпину,—авось, дескать, за своими спорами они позабудутъ о помѣщичьихъ земляхъ.

Вторая Гос. Дума прожила немного дольше первой Думы. Въ ней было еще меньше единенія; одни настаивали на томъ, чтобы вести атаку на правительство, другіе уже не вѣрили въ скорую побѣду и приглашали осаждать власть, а не атаковывать ее. Наконецъ, многіе устали отъ борьбы, отъ смуты и жаждали покоя, соглашались мириться съ правительствомъ хоть на тѣхъ маленькихъ уступкахъ, которыя все таки даны были царемъ въ видѣ существованія Думы. Были въ Думѣ и прямые сторонники царя и всей старой политики, желавшіе полнаго возврата къ до-думскимъ порядкамъ.

При такомъ разъединеніи Столыпину легко было справиться съ революціей. Нашлись предатели, которые стали выдавать революціонеровъ, появилось много провокаторовъ. Правительство устроило ловушку революціонерамъ. Устроена была ловушка и членамъ Гос. Думы—соціалъ-демократамъ, которыхъ обвинили, что они бунтуютъ войска. Столыпинъ потребовалъ, чтобы Дума выдала ему этихъ депутатовъ; Дума отказала, и ее распустили, а соціалъ-демократическихъ депутатовъ арестовали и предали суду.

Судъ былъ поставленъ такъ безчестно, что обвиняемые отказались присутствовать на немъ, и ихъ осудили заочно въ каторжныя работы.

На этотъ разъ роспускъ Думы сопровождался новымъ беззаконіемъ. Николай II, торжественно обѣщавшій въ манифестѣ 17 октября не издавать законовъ безъ согласія Думы, нарушилъ это обѣщаніе и объявилъ, что измѣняетъ избирательный законъ для выборовъ въ Гос. Думу.

Въ объявленномъ 3 іюня 1907 г. новомъ законѣ права народа были сильно сокращены. Многіе, особенно инородцы, совсѣмъ были лишены правъ, число мѣстъ для крестьянъ сильно

уменьшено, рабочимъ почти совсѣмъ не отводилось мѣста. Зато богатымъ классамъ, особенно дворянству и помѣщикамъ, предоставлялись всѣ возможности послать своихъ людей и заполнить ими хоть всю Думу.

На такихъ новыхъ началахъ, искажавшихъ народное сознаніе и народныя чаянія, и созвана была третья Государственная Дума.

Но какъ ни густа была колючая изгородь, установленная новымъ избирательнымъ закономъ, все таки и сквозь нее пробралось хотя и не очень много истинныхъ друзей народныхъ, которые продолжали и здѣсь обличать правительственную неправду и жестокость.

А этихъ жестокостей и этой неправды прибавлялось съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Царскіе слуги осмѣлѣли. Черная сотня, покровительствуемая и поощряемая безнаказанностью, неистовствовала въ странѣ. Честныхъ людей изгоняли отовсюду, старались не подпускать ни къ земской, ни къ городской, ни къ какой другой общественной работѣ. Всюду устраивались казнокрады, хищники, корыстные люди, не брезговавшіе самыми темными способами. Отъ рабочихъ отняты были всѣ ихъ завоеванія; имъ не давали возможности объединяться въ свои общества и союзы, за стачки стали опять сажать въ тюрьмы и даже разстрѣливать. Въ деревню нагнали стражниковъ, ингушей и казаковъ, которые зря обижали народъ.

Всюду шныряли шпіоны и провокаторы, которые заманивали революціонеровъ, предлагали помощь имъ въ устройствѣ покушеній и сами же отдавали ихъ правительству.

Самый злостный и самый подлый провокаторъ Азефъ былъ изобличенъ публично, но правительство взяло его подъ свою защиту, а тѣхъ, кто изобличалъ его, жестоко наказало. Не пощадили даже бывшаго директора департамента полиціи Лопухина, который только подтвердилъ, что Азефъ дѣйствительно велъ двойную игру, то устраивая покушенія на членовъ правительства, то выдавая революціонеровъ правительству. Лопухина предали за это суду и осудили въ Сибирь на поселеніе.

Эта игра съ провокаторами кончилась плохо. Нѣкоторые революціонеры сами поступали въ охранку, съ тѣмъ, чтобы, пользуясь довѣріемъ правительства, убивать ихъ вождей. Такъ, въ Петроградѣ убитъ былъ революціонеромъ-охранникомъ начальникъ петроградской охраны. Наконецъ, въ Кіевѣ во время торжества, въ театрѣ, гдѣ находился и царь, былъ убитъ охранникомъ самъ Столыпинъ....

4 апрѣля 1912 г. изъ далекой Сибири, съ Ленскихъ золотыхъ промысловъ, пришло душу леденящее извѣстіе. Огромная толпа забастовавшихъ рабочихъ мирно направлялась къ управленію пріисковъ, какъ въ нее направлены былъ страшный залпъ, положившій болѣе 400 человѣкъ на мѣстѣ.

Даже смирная третья Дума содрогнулась отъ этого новаго страшнаго преступленія царскаго правительства. Сдѣланъ былъ запросъ министру внутреннихъ дѣлъ, но онъ вышелъ и отвѣтилъ коротко и ясно:

— Такъ было,—такъ будетъ!..

X.

Вотъ въ какомъ положеніи находилась русская земля, когда вдругъ разразилась страшная міровая гроза—война почти всѣхъ государствъ и народовъ.

Къ этому времени дѣйствовала уже четвертая Дума, которая была нѣсколько смѣлѣе третьей и болѣе серьезно старалась бороться съ правительственной разрухой. Въ народѣ тоже поднималось опять революціонное движеніе. Въ самые дни передъ войной въ Петроградѣ шли сильные безпорядки среди рабочихъ, на улицахъ устраивались даже изъ ваноговъ и телеграфныхъ столбовъ баррикады, рабочіе сражались съ полиціей.

Но въ этотъ моментъ раздался набатъ въ міровой колоколъ. Германія объявила намъ войну и сдѣлала нападеніе на г. Калишъ, явившись куда нѣмцы стали производить возмутительныя насилія и безчинства. Содрогнулась русская земля. Всѣ почувствовали, какая страшная опасность грозитъ всему государству.

Словно по мановенію волшебной палочки русскіе люди отодвинули въ сторону свои распри и разногласія и рѣшили дружно спасать родину. Когда 26 іюля собрана была Государственная Дума, представители всѣхъ партій и всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, одинъ за другимъ заявляли о своей готовности помнить только одно: отстаивать родную землю, ея цѣлость, честь и достоинство отъ напора страшнаго врага.

Понимали, однако, русскіе люди, что отпоръ врагу можно было дать только при томъ условіи, что и само правительство будетъ всемѣрно работать для этой же цѣли. Рѣшили сначала довѣрить правительству. Не будемъ мѣшать ему, не будемъ спорить,—не такое теперь время...

Не думали русскіе люди, что они оставляли дѣло спасенія страны въ рукахъ настоящихъ измѣнниковъ. Это ужасное, никѣмъ не предвидѣнное обстоятельство вскрылось черезъ годъ, когда ушедшая въ Карпаты армія наша осталась вдругъ безъ снарядовъ; обнаружилось, что армію постоянно предавали наши высшіе чиновники, получавшіе деньги отъ нѣмцевъ, и самъ военный министръ Сухомлиновъ оказался причастнымъ къ этой преступной шайкѣ.

Пыталась тогда и Дума и разныя лица раскрыть царю глаза на этотъ ужасъ. Но странное дѣло,—царь только сердился на тѣхъ, кто приходилъ разъяснять ему это. Онъ жалѣлъ Сухомлинова и другихъ предателей, онъ потворствовалъ тѣмъ преступникамъ, которые мородерствовали и затрудняли движеніе арміи, и онъ преслѣдовалъ всѣхъ тѣхъ, кто старался хоть какъ нибудь помочь родинѣ, кто хотѣлъ улучшить фронтъ, укрѣпить тылъ арміи. Честныхъ людей попрежнему не подпускалъ онъ къ власти. Хуже того, когда промышленники, общественные дѣятели, крестьяне, кооператоры, рабочіе начали организоваться въ военно-промышленные комитеты, когда земскіе и городскіе дѣятели устраивали союзы для помощи раненымъ и вообще для обслуживанія нуждъ арміи и тыла,—царь и его правительство только и дѣлали, что вставляли палки въ колеса этой работѣ, арестовывали самыхъ дѣятельныхъ людей и

вообще вели себя съ ними такъ, словно это были враги отечества....

Никого не слушалъ Николай II, кромѣ своей супруги, нѣмецкой принцессы, да грязнаго сквернаго проходимца Распутина, околдовавшаго его и его жену темными чарами.

Въ серединѣ третьяго года войны народное терпѣніе стало истощаться. Отъ правительственной неразберихи настала страшная разруха. Создалось такое положеніе, что богатая хлѣбомъ страна наша вдругъ начала голодать—въ городахъ не было хлѣба, но было много фруктовъ и предметовъ роскоши. Въ арміи не хватало оружія, зато вся полиція на случай народныхъ безпорядковъ снабжена была пулеметами. И когда въ Петроградѣ народъ высыпалъ 23—26 февраля на улицы, требуя хлѣба, эти пулеметы, по приказу министра Протопопова и ген. Хабалова, были пущены въ ходъ, и улицы города оросились опять народной кровью.

Чаша терпѣнія безконечно терпѣвшаго русскаго народа была переполнена. 27 февраля солдаты вышли изъ казармъ и подняли возстаніе, къ которому тотчасъ присоединилось все населеніе столицы, а затѣмъ и вся страна.

Казавшееся всесильнымъ правительство было, можно сказать, въ нѣсколько часовъ сметено съ лица земли.

А 2 марта и самъ Николай II согласился подписать предложенное ему отреченіе отъ престола.... Такъ палъ Николай II—послѣдній царь на русскомъ престолѣ.

Довольно настрадалась русская земля отъ этихъ насильниковъ, не любившихъ и не уважавшихъ народа, дѣйствовавшихъ всегда коварно, злобно, предательски.

Да упрочится навѣки совершившееся избавленіе отъ нихъ, да будетъ русская земля отнынѣ свободной, самоуправляющейся черезъ отвѣтственныхъ лицъ, избираемыхъ на равныхъ правахъ всѣми народами Россіи, всѣми гражданами ея.

Скоро настанетъ день, когда эти избранники народные соберутся во всенародное Учредительное Собраніе и заявятъ волю народа. Это собраніе рѣшитъ, какой образъ правленія

будетъ въ Русскомъ Государствѣ и какіе порядки установятся въ немъ.

Много страдала русская земля отъ царскаго насилія, и теперь, когда она освободилась отъ него,—передъ народомъ лежитъ много дѣла. Надо устроить все по новому, по лучшему. Но это удастся устроить только при томъ условіи, если всѣ мы будемъ помнить о необходимости единенія и взаимныхъ уступокъ...

Но прежде всего освободимъ родную землю отъ вражескаго нашествія.

В. В. Португаловъ.

Издательство „Освобожденная Россія":

I. **Т. А. Богдановичъ.**—Великіе дни революціи. Ц. 15 к.

II. **П. В. Герасимовъ.**—Новый строй и права свободныхъ гражданъ. Ц. 15 к.

III. **В. В. Португаловъ.**—Царствованіе послѣдняго Романова. Ц. 15 к.

IV. **Иванъ Лукашъ.**—Волынцы. Ц. 15 к.